

Иерей Гордей Щеглов

**СВЯЩЕННИК РОМАН РАПАЦКИЙ:
ЖЕРТВА ВОССТАНИЯ 1863 ГОДА**

ЖИРОВИЧИ

Издательство Минской духовной семинарии

2023

УДК 271.22-726.3(476)«1863»

ББК 86.372

Щ33

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом Минской духовной семинарии
(протокол № 1 от 29 августа 2023 года)*

Научные рецензенты:

Протоиерей Виктор Василевич, ректор Минской духовной семинарии,
кандидат богословия

Протодиакон Павел Бубнов, старший преподаватель Минской духовной академии,
преподаватель Минской духовной семинарии
кандидат богословия

Щеглов Гордей, иерей

Щ33 Священник Роман Рапацкий : жертва восстания 1863 года /
иерей Гордей Щеглов. – Жировичи : Издательство Минской
духовной семинарии, 2023. – 37 с.

ISBN 978-985-7028-37-5

Издание посвящено рассмотрению жизни и обстоятельств трагической гибели иерея Романа Рапацкого, убитого во время восстания 1863 г. Автор реконструирует биографию священнослужителя, кульминацией которой стали обстоятельства его трагической смерти. Далее повествование сосредотачивается на судьбе семейства Рапацких и истории памяти о священнике-мученике, которая не угасла до нашего времени.

Адресовано историкам, краеведам, преподавателям духовных и светских учебных заведений, студентам, учащимся, а также всем, интересующимся вопросами белорусской конфессиональной истории.

УДК 271.22-726.3(476)«1863»

ББК 86.372

ISBN 978-985-7028-37-5

© Щеглов Гордей, иерей, 2023.

© Оформление. Минская духовная
семинария, 2023.

Храм на могиле священника Романа Рапацкого в с. Котра
Сооружен в 1884 г.

Предлагаемое читателю небольшое исследование посвящено памяти священника Романа Рапацкого, убитого повстанцами во время восстания 1863 года.

О жизни нашего героя известно немного, да и осталась бы она малопримечательной, если бы... Если бы не мученическая кончина, навсегда вписавшая имя его в белорусский исторический нарратив.

В исследовании на основании немногочисленных известий реконструирована биография священника Романа, кульминацией которой стали обстоятельства его трагической смерти. Далее повествование сосредотачивается на судьбе семейства Рапацких. Отдельное место занимает история памяти о иерее-мученике Романе, которая не угасла до нашего времени.

Роман Рапацкий родился 18 ноября 1829 года в семье дьячка Черской церкви Брестского уезда Феодосия Рапацкого и супруги его Магдалины.

В 1839 году отец определил его в Виленское духовное училище, после окончания которого Роман продолжил образование в Литовской духовной семинарии¹.

Во время его учебы там произошло одно очень знаковое событие. 25 мая 1850 года Вильно посетил император Николай I. Прибыв в город, он направился в кафедральный Никольский собор, где его встречало духовенство во главе с архиепископом Литовским и Виленским Иосифом (Семашко), высшие чиновники, представители дворянства и общности края. Присутствовали на встрече и учащиеся Литовской духовной семинарии. После молебна архиепископ подвел им-

¹ Страдальцы и мученики за веру православную и народность русскую в Западной Руси, в частности в Гродненской губернии // Гродненские епархиальные ведомости. – 1909. – № 27. – С. 273.

ператора к семинаристам и в ответ на его недоумение указал на них со словами: «Добрая молодежь и надежная»². В ответ Николай I сказал воспитанникам: «Дай Бог быть вам такими, какими следует быть». Среди семинаристов тогда находился и юный Роман Рапацкий, который, видимо, хорошо запомнил слова архипастыря и монарха³. Мы не знаем, какие чувства и мысли тогда владели им, но одно ясно – лицеизреть воочию монарха для любого в то время было событием, запоминающимся на всю жизнь.

Учившийся в одно время с Рапацким в семинарии Игнатий Пашкевич и оставивший воспоминания о семинарской жизни, писал о Романе, что был он «юноша необыкновенно кроткий, любимый всеми товарищами»⁴. Кстати, Роман Рапацкий учился в семинарии в одном классе с Михаилом Осиповичем Кояловичем – известным историком, политическим публицистом и издателем.

В 1851 году Роман окончил семинарию и вскоре женился на сироте – Марии Антоновне Романской. 3 октября того же года архиепископ Литовский и Виленский Иосиф (Семашко) рукоположил его в сан священника к Покровской церкви в селе Мыте Лидского уезда Виленской губернии⁵. Это был один из беднейших приходов епархии.

Спустя три года преосвященный Иосиф, к тому времени уже возведенный в сан митрополита, объезжал приходы Лидского уезда. Как раз в это время тамошний благочинный пред-

² Записки Иосифа, митрополита литовского, изданные Академией наук по завещанию автора. – Санкт-Петербург : Тип. Акад. наук, 1883. – Т. 2. – С. 483.

³ Пашкевич Игнатий, священник. Мои семинарские воспоминания / священник Игнатий Пашкевич // Гродненские епархиальные ведомости. – 1909. – № 34. – С. 372.

⁴ Там же.

⁵ Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 605. Оп. 4. Д. 116. Л. 4.

ставил ему священника Мытской церкви Романа Рапацкого, «подстригшего себе бороду в виде светского франта».

Митрополит отреагировал крайне болезненно, возможно, усмотрев в этом отголосок униатской моды, некий ее рецидив и даже дерзость. Сам преосвященный Иосиф, как бывший униат, не носил бороду до 1842 года, когда окончательно решил ее отпустить и облачиться в православный духовный костюм, намереваясь отправиться в паломничество по русским святым местам. Вместе с тем Иосиф сделал для бывшего униатского духовенства ношение рясы и бороды чем-то вроде почетной награды, и не разрешал отращивать бороду и надевать рясу без особого своего дозволения. При этом он объявил, что такое дозволение может быть дано только священникам достойным и хорошего поведения⁶. А тут вдруг священник сам подстриг себе бороду, вопреки данному перед рукоположением в сан обязательству – не стричь бороды и носить рясу. Выглядело это едва ли ни как вызов.

Уже будучи в Вильно, митрополит 24 января 1855 года дал распоряжение Духовной консистории относительно священника Романа. Вот что он писал: «Этот поступок являет в Рапацком пренебрежение к форме, предписанной для священников, а следовательно, и к самому сану священника, и предполагает в нем легкомысленный образ мыслей, если не более дурные наклонности, тем более что он и прежде замечаем был в строптивости и некоторых неисправностях.

По сему предлагаю консистории отрешить Рапацкого от настоящего священнического места, воспретить ему всякое священнодействие, запретить употребление рясы и определить при кафедральном соборе на почетническую вакансию, пока вырастет борода по прежнему; а за тем консистория по

⁶ Записки Иосифа, митрополита литовского, изданные Академией наук по завещанию автора. – Санкт-Петербург : Тип. Акад. наук, 1883. – Т. 1. – С. 142–143.

личным наблюдениям представит мне свое заключение: от одной ли легкомысленности произошел означенный поступок Рапацкого или по дурному образу мыслей, и заслуживает ли он определения вновь на священническое место, или же должен быть оставлен на причетническом»⁷.

Обозревая в своих «Записках» 1855 год, преосвященный Иосиф отметил историю с Романом Рапацким как примечательную⁸.

Биограф митрополита Иосифа (Семашко) Г. Я. Киприанович, описывая этот эпизод сообщает, что борода у Рапацкого, как оказалось, не росла от природы, и в результате, чтобы сгладить недоразумение его переместили на более лучший приход⁹. А священник Николай Извеков приводит историю с Рапацким как яркий пример такого качества преосвященного Иосифа, как справедливость¹⁰.

14 марта 1855 года отца Романа назначили настоятелем Успенской церкви в деревню Котра Пружанского уезда Гродненской губернии. В состав прихода входили деревни: Котра, Радецк, Пески, Клепачи и Красное, всего около двухсот дворов. Прихожан насчитывалось около 1500 душ обоего пола. Следует заметить, что в то время приход именовался Чернолозским, по названию имения – Черные Лозы, в состав кото-

⁷ Список с предложения в Литовскую консисторию, от 24 января 1855 года за № 216, об отрешении от места священника Мытской церкви Рапацкого, подстригшего себе бороду / Записки Иосифа, митрополита литовского, изданные Академией наук по завещанию автора. – Санкт-Петербург : Тип. Акад. наук, 1883. – Т. 2. – С. 616.

⁸ Записки Иосифа, митрополита литовского, изданные Академией наук по завещанию автора. Т. 2. С. 235–236.

⁹ Киприанович, Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского, и воссоединение западно-русских униатов с православной церковью в 1839 г. : с 3-мя портр. высокопреосвящен. Иосифа / Г. Я. Киприанович. – Вильна : Тип. И. Блюмовича, 1893. – С. 247.

¹⁰ Извеков Николай, священник. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко) митрополит Литовский и Виленский / священник Николай Извеков. – Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1889. – С. 201.

рого входила деревня Котра. Это был практически глухой медвежий угол, расположенный на границе огромного болотного массива недалеко от Беловежской пуши.

Приходская церковь была старая, построенная еще в 1773 году, но добротная.

Хотя приход этот был лучше Мытского, но все же считался бедным, а следовательно – незавидным в глазах духовенства. Как и все сельские священники, отец Роман крестьянствовал наравне со своими прихожанами, претерпевая превратности крестьянской жизни: падеж скота, неурожаи и пр.

Вместе с тем за годы служения он стяжал авторитет ревностного и доброго пастыря. Первым делом отец Роман начал собирать деньги на устройство школы грамоты, которую со временем и открыл в Котре. Он очень любил детей, относился к ним ласково, почему школа сразу наполнилась учениками. Люди, знавшие отца Романа, отзывались о нем, как о человеке милостивом. Рассказывали, что он горько оплакивал каждого покойника, а также нередко заливался слезами, читая в церкви Священное Евангелие¹¹. Возможно, имел он дар умиления.

Внешне отец Роман выглядел так: роста ниже среднего, худощавый; цвет волос темно-русый; брови такого же цвета, сросшиеся; лицо чистое, белое, глаза серые, нос небольшой, заостренный¹².

По какой-то причине нерасположение к отцу Роману питал местный мировой посредник Иосиф Анджейкович, который подсылал к нему в качестве соглядатая волостного писаря Томашевского. Предполагают, что именно последний сыграл

¹¹ Пилинкевич, священник. Памяти священника Романа Рапацкого / священник Пилинкевич // Гродненские епархиальные ведомости. – 1908. – № 26. – С. 202.

¹² Пашкевич Игнатий, священник. Мои семинарские воспоминания. С. 376.

особо негативную роль в судьбе Рапацкого, когда вспыхнуло восстание 1863 года¹³.

Повстанцы появились в окрестностях Котры весной. Сперва они обосновались в верстах семи от нее в урочище Коспелево в имении Иосифа Анджейковича – Сычовка. Затем курсировали по окрестным лесам, периодически меняя места стоянок, чтобы русские военные команды не могли их обнаружить. Что это был за отряд и кто им руководил, сказать трудно. Однако известно, что 13 мая в верстах шести от Котры и недалеко от Сычовки в лесном урочище под названием Савицкая Корчма повстанческий отряд под предводительством подполковника Александра Ленкевича (псевдоним Ляндер) столкнулся с русским воинским подразделением. Произошел довольно ожесточенный бой, после чего повстанцы ушли из этой местности¹⁴. Известно, что у Ленкевича одним из офицеров состоял некий Анджейкович¹⁵, возможно, тот самый владелец Сычовки Иосиф Анджейкович или его родственник.

15 мая Пружанский военный начальник, получив запоздалое известие, что у Савицкой Корчмы появился повстанческий отряд около 300 человек, направил туда 150 стрелков 3-го стрелкового батальона под командованием капитана Куликовского и 40 казаков 5-го Донского казачьего полка. Отряд этот, естественно, не застав уже повстанцев у Савицкой Корчмы, отправился по их следу к Новому Двору в направлении Белостока. Версты три военные шли по дороге, проложенной через

¹³ Киприанович, Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского, и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. : с 3-мя портр. высокопреосвящен. Иосифа. 2-е изд., испр. и доп. / Г. Я. Киприанович. – Вильна : Тип. И. Блюмовича, 1897. – С. 409.

¹⁴ Смирнов, А. Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии / А. Ф. Смирнов. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – С. 238.

¹⁵ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2 : Переписка о военных действиях с 10-го января 1863 года по 7-е января 1864 года. – Вильна : Губернская тип., 1915. – С. 395.

непроходимые болота, затем, перейдя через мост, углубились в густую лесную чащу. Именно здесь отряд капитана Куликовского и застиг неприятеля, стоявшего лагерем. Повстанцы заняли оборонительную позицию и встретили русскую цепь беглым огнем. Во время боя, заметив слабость резерва военных, они направили обходную колонну для занятия моста, чтобы отрезать русским путь к отступлению. Однако, несмотря на неожиданность такого маневра, резерв встретил повстанцев плотным огнем, а казаки атаковали их пиками. Обходная колонна бросилась бежать обратно, подняла панику среди остального отряда, который быстро рассыпался по лесу. В последующие дни преследование повстанцев продолжилось¹⁶.

За несколько недель до убийства отца Романа распространялись слухи о том, что он якобы доносил военному начальству о передвижениях повстанцев, за что те имеют на него смертельную злобу. Так ли это было или нет, теперь сказать трудно. Однако, когда заговаривали со священником по поводу этих слухов, он спокойно пояснял, что не делал ничего такого, да и не мог делать, поскольку понятия не имел о передвижениях повстанческих отрядов, а понапрасну тревожить военных считал делом нешуточным. Он действительно ничего не мог знать о маршрутах повстанцев, поскольку те хаотически перемещались по лесным массивам.

Тамошняя местность глухая, лесистая и болотистая, для повстанцев была как нельзя подходящей. Здесь они могли себя чувствовать в большей или меньшей безопасности от русских войск.

Когда в деревню начался наплыв прокламаций, а умы будоражили всевозможные слухи, отец Роман начал с амвона призывать прихожан оставаться верными российскому императору.

¹⁶ Пузанов, В. В. История 5-го Донского казачьего войскового атамана Власова полка. 1812–1912 / Сост. сотник В. В. Пузанов, чл.-сотр. Рус. воен.-ист. о-ва. – Саратов : Типо-лит. П. С. Феокритова, 1913. – С. 503.

ру и не верить призывам пропаганды. Говорили, что во время одного из таких увещаний в церкви находился переодетый в мужицкую одежду шляхтич, который все это слышал и общил своим приспешникам-повстанцам. Уже одно это могло в них вызвать смертельную вражду к священнику.

Есть и иные версии предшествующих событий. Вот одна из них. Когда повстанческий отряд появился в окрестностях Котранской волости и об этом стало известно местным жителям, волостной старшина пришел к отцу Роману за советом как поступить, поскольку имел предписание: «О появлении шаек... сейчас же доносить начальству». Священник ответил, что коль такое распоряжение имеется, то старшина должен сам знать, как поступать в таком случае. Старшина так и сделал – уведомил начальство. Местные сторонники восстания всю вину возложили на иерея Романа Рапацкого¹⁷.

По другой версии о местонахождении повстанцев близ Котры военным сообщил сельский староста Семен Скакун¹⁸. Правда, имел ли к этому отношение священник Роман, не говорится.

Служивший в начале XX века на Котранском приходе священник Антоний Пилинкевич разузнавал у старожилов обстоятельства разыгравшейся в 1863 году трагедии. Вот что он сообщает. Однажды местный крестьянин-сапожник Константин Швед отправился в лес под названием Корчма Савицкая, где наткнулся на лагерь повстанцев. Те хотели убить его как нежелательного свидетеля, но потом отпустили, взяв слово, что он никому не скажет о месте их нахождения. Однако Швед, вернувшись домой, рассказал о виденном церковному старосте

¹⁷ Мученическая кончина иерея Романа Рапацкого // Странник. – 1863. – Т. III (июль), отд. IV. – С. 40.

¹⁸ Страдальцы и мученики за веру православную и народность русскую в Западной Руси, в частности в Гродненской губернии // Гродненские епархиальные ведомости. – 1909. – № 27. – С. 274.

Семену Шипулю. Тот сообщил отцу Роману, который якобы послал Шведа с запиской в Пружаны. Но до города крестьянин не дошел, будучи по дороге пойман повстанцами¹⁹.

Хотя эта информация была получена спустя 45 лет после описанных событий, тем не менее она в общих чертах совпадает со сведениями из архивного дела «о лицах убитых и замученными мятежниками по Пружанскому уезду», хранящегося в Национальном историческом архиве Беларуси в городе Гродно. В документе говорится, что священник Роман Рапацкий «повешен мятежниками за совет, данный крестьянину Константину Шведу о донесении начальству о появлении шайки около корчмы Савицких в мае месяце»²⁰. Как видим, совпадает топоним и фигуранты, но ни о какой записке речи не идет, да и дело было в мае, когда в указанной местности произошло столкновение повстанцев с военными. Трагедия же с повешением священника и крестьянина разыгралась спустя полтора месяца.

Таким образом, все приведенные версии мотивов убийства священника Романа лишь предполагают его косвенное участие в выдаче места стоянки повстанцев, окончательно так и не проясняя вопрос. И получается, что пострадал он по одному лишь подозрению.

Говорили, что отец Роман предчувствовал свою близкую кончину. 29 июня он очистил душу таинством покаяния. А в день убийства, 3 июля, идя на сенокос, взял даже с собой молитвослов. Уходя из дома, он в последний раз благословил жену и детей.

Сенокосные луга находились в верстах пяти от Котры. Ближе к вечеру, когда Рапацкий с несколькими крестьянами

¹⁹ Пилинкевич, священник. Памяти священника Романа Рапацкого. С. 203–204.

²⁰ Национальный исторический архив в Гродно (НИАБ в Гродно). – Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 7 об.

возвращался с сенокоса, их окружили конные повстанцы, около 30 человек. Полагали, что это волостной писарь навел их на священника.

Это не был как таковой повстанческий отряд. Это была группа карателей, возможно, посланная Ленкевичем для казни священника, которого подозревали в выдаче мест стоянок повстанцев. В таких группах, формируемых из добровольцев, находились так называемые жандармы-вешатели или просто вешатели, приводившие в исполнение показательные «казни» лиц, наиболее активно противодействовавших повстанческому движению. Действовали вешатели исключительно в сельской местности, где их жертвами становились крестьяне, духовенство и пр. Кстати, вешателем у Ленкевича был некто Гзовский, крестьянин-однодворец, сам впоследствии закончивший виселицей. Вообще же отрядом «Ляндера» было повешено около 70 человек разного звания²¹.

Отца Романа привели в Котру, где остановились у большой груши. Зайти домой ему не позволили. Большинство повстанцев разошлось по деревне добывать провиант, а несколько остались со священником, разговаривали с ним, шутили, предлагали даже водку и папиросу. Отец Роман, понимая к чему идет дело, попросил позвать жену и детей, чтобы попрощаться, но ему отказали. Дабы сохранять самообладание, он тихо молился. В какой-то момент его подхватили, подвели к груше, набросили на шею петлю и повесили, а один из повстанцев выстрелил висящему в грудь. Следом за священником на том же дереве повесили крестьянина Константина Шведа, за то, что он открыто осуждал восстание и сообщал властям о местонахождении повстанческих отрядов.

²¹ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2 : Переписка о военных действиях с 10-го января 1863 года по 7-е января 1864 года. – Вильна : Губернская тип., 1915. – С. 394.

Повесив священника и крестьянина, повстанцы перед уходом из деревни запретили под страхом смерти снимать тела. Они навели на жителей такой ужас, что никто не решался сделать этого, так что убиенные провисели три дня. Все это время оказалось мучительной пыткой для их семейств. Супруга отца Романа, потрясенная произошедшим, почти все время находилась без чувств. Тело Рапацкого сняли прибывшие на погребение священники²².

Вместе с тем из разговоров с местными жителями они узнали, что перед уходом из Котры повстанцы расспрашивали, далеко ли до села Рудники, не скрывая намерения повесить тамошнего священника. Тогда настоятель Мокренской церкви Иаков Будзилович, занимавшийся похоронами отца Романа, отправил в Рудники свою служанку Анастасию Бобровскую предупредить об опасности Рудницкого настоятеля²³.

Тот факт, что люди совершившие убийства в Котре, намеревались в ближайшее время повесить священника в Рудниках, лишний раз подтверждает, что это действовал карательный отряд вешателей.

Семейство Рапацких оказалось буквально парализовано горем и пребывало в полной беспомощности. Не было даже чем заплатить за гроб. Доски для него привез священник Иаков Будзилович, а на остальные необходимые расходы позже сделали посильную денежную складчину.

Хоронили отца Романа 6 июля на четвертый день после мученической кончины. В погребении участвовало шесть священников, два дьякона и пять дьячков. Присутствовали и русские офицеры.

²² Страдания православного духовенства от польских мятежников // Литовские епархиальные ведомости. – 1863. – № 14. – С. 516–519.

²³ Воспоминания сельского священника о последнем польском мятеже // Виленский сборник. – Вильна, 1869. – Т. 1. – С. 75.

Один из священнослужителей вспоминал, что, когда он прибыл на похороны, тело отца Романа уже лежало на своем месте в полном иерейском облачении, лицо было покрыто воздухом. Те, кто не участвовал в подготовке покойного к погребению, а приехал непосредственно к похоронам, «имея стесненное сердце», не решились приподнять воздух и посмотреть на лицо страдальца. Но когда при последнем целовании прикладывались к руке покойного и подняли воздух, то, к удивлению, увидели лицо чистое – без всякой синева. Не было на нем ничего, что обыкновенно производит смерть, но как бы печать успокоения в Боге отражалась на мертвом лице.

«Никогда в жизни не забудем часов погребения страдальца, – вспоминал очевидец. – Правда, каждая минута была горестна, но преисполнена чего-то неземного. Не страх и трепет волновал душу нашу, повеял какой-то дух жизни, проявлявшийся в слезах и неземных размышлениях. Быть может, первый раз в жизни столь глубоко почувствовали, что отечество наше не тут на земле, что все мы, хотя слабые и грешные, но ратуем за отечество небесное. Не можно было в глубине души не размыслить, к чему наконец дошли христиане, руководимые – просвещением не от света евангельского заимствованным; – и то ли прогресс, который – на потоках мученической крови пролагает себе дорогу?! Христиане – против христиан, братья против братьев вооружились».

Супруга покойного не смогла, не способна была устроить и поминальную трапезу. Но так получилось, что каждый на всякий случай привез на похороны что-либо с собой. И из привезенных продуктов составили скромный обед, которым угостили всех духовных и офицеров²⁴.

Отцу Роману было 33 года, когда его убили. В семействе у него остались: жена Мария Антоновна 32-х лет и пятеро

²⁴ Страдания православного духовенства от польских мятежников // Литовские епархиальные ведомости. – 1863. – № 14. – С. 519–520.

детей: Александр 10-ти лет, состоявший на содержании отца в низшем отделении Кобринского уездного духовного училища, Людмила 7-ми лет, близнецы Владимир и Виктор 4-х лет, и Надежда 2-х лет. Семья безо всякого преувеличения находилась в крайней нищете. Кроме того, после отца Романа остался долг почти 200 рублей²⁵.

Есть белорусская поговорка: «Датуль пападзя княгіня, покуль поп не згіне». Действительно, в те времена священническая жена после смерти супруга становилась существом практически совершенно обездоленным, несчастнее даже крестьянской вдовы. К ней терялось прежнее уважение в духовной среде, и бывшие товарищи ее мужа начинали обращаться с ней, как с женой дьячка или пономаря. В качестве просфирни, на должность которой ее пристраивало епархиальное начальство, чтобы дать хоть какое-то пропитание, она нередко мозолила глаза настоятелю. Рассуждая об этом явлении, современник писал, что ему не раз приходилось видеть примеры такой быстрой перемены в судьбе священниц, и не раз он благодарил Бога, что не сын священнический, иначе, может быть, пришлось бы видеть, как отец его повернулся спиной к какой-нибудь бедной вдове-священнице. Главное несчастье вдовиц заключалось в том, что со смертью мужей они теряли все свое благосостояние. Сельские же священники, по большей части народ бедный, денег после себя не оставляли. Все их богатство состояло в хозяйстве. Но поскольку земля и жилье не были собственностью священника, хозяйство после его смерти рассыпалось в прах. Дом и земля переходили в руки другого, нового священника. Вдова оставалась ни при чем и должна была ждать себе всего от милости людской. Пенсионирование никак не предусматривалось. Однако семейство Рапацкого не осталось без призрения, получив не

²⁵ Мученическая кончина иерея Романа Рапацкого // Странник. – 1863. – Т. III (июль), отд. IV. – С. 39.

только приличное единовременное пособие, но и долгосрочное обеспечение²⁶.

Уже 4 июля Шерешевский благочинный священник Михаил Токаржевский отправил в Вильну извещение епархиальному начальству об убийстве повстанцами настоятеля Чернолозской церкви. 13 числа Литовский митрополит Иосиф (Семашко) после ранней обедни в домовая церкви совершил панихиду по священнику Роману Рапацкому.

Для поддержания пострадавшего семейства митрополит распорядился: сына убиенного отца Романа Александра принять на казенное содержание в Жировичское духовное училище; жену покойного с детьми впредь до дальнейшего распоряжения оставить в занимаемом церковном помещении, предоставив ей воспользоваться хозяйственными плодами настоящего года от священнических земель Чернолозской церкви; Консistorии немедленно представить соображение о том, какое окажется возможным сделать сему несчастному семейству пособие со стороны епархиального начальства. Кроме того, митрополит обратился в Святейший Синод с просьбой, не признает ли последний возможным назначить пенсию или по крайней мере единовременное пособие несчастной матери с малолетними детьми.

Меж тем в самое ближайшее время вдове было передано 68 рублей, пожертвованных редакцией «Московских ведомостей»²⁷. Об убийстве священника Романа Рапацкого так же, как и о других жертвах повстанцев, писали многие русские журналы и газеты. Поэтому эти деньги оказались не единственной суммой, присланной частными жертвователями пострадавшему семейству.

²⁶ Три мученические кончины // Вестник Западной России. – 1863. – Т. 4. – С. 180–181.

²⁷ Страдания православного духовенства от польских мятежников // Литовские епархиальные ведомости. – 1863. – № 13. – С. 458–459.

Известно также, что по распоряжению Виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева с помещика Анджейковича уже в середине июля была взыскана контрибуция в 1000 рублей в пользу семьи Рапацких²⁸. Это были большие деньги.

В конце июля 1863 года Литовская духовная консистория предписала Шерешевскому благочинному священнику Токарежскому выяснить у вдовы Рапацкой, кого она желает иметь опекунами над оставшимся имуществом и сиротами. Вдова заявила, что опекунами желает видеть священников Каменицы-Жировицкой Брестского уезда Петра Страшкевича и Сухпольской церкви Павла Балабушевича. Вместе с тем был составлен список имущества, оставшегося у Рапацких. Приведем его целиком, поскольку он интересен с точки зрения имущественного положения семьи рядового сельского священника. Итак, перечень того, что осталось у вдовы.

1. Собранной ржи 20 кубов.
2. Собранного сена 6 фур.
3. Пара старых лошадей.
4. Пара старых волов.
5. Три коровы.
6. Пять овец.
7. Четыре свиньи.
8. Бричка совершенно старая.
9. Воз простой некованный.
10. Хомутов старых два.
11. Соха одна.
12. Борона одна.
13. Кроватей простой работы три.
14. Стульев четыре.
15. Шкаф один.
16. Зеркало одно.

²⁸ НИАБ в Гродно. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 8.

17. Колысок две.
18. Ряса суконная старая одна.
19. Подрясник суконный один.
20. Шуба енотовая совершенно старая.

К списку были сделаны пояснения, что рожь и сено за 42 рубля выкупил священник Мокренской церкви Петр Будзилович, а волов, коров и овец за 47 рублей 50 копеек купили евреи «по прозванию неизвестные»²⁹.

Как видим, семья жила небогато – шкаф, зеркало, четыре стула и т. д. Единственное богатство составляли лошади и скотина.

Консистория утвердила названных священников в качестве опекунов и послала им предписания: «Иметь ближайшее попечение и надзор за отроками и по опекунской должности не оставлять сирот без помощи и благих советов, а также расходам их вести надлежащий расчет и по окончании года представлять таковой в консисторию». Кроме того, Шерешевскому благочинному предписывалось узнать у Рапацкой, где она в настоящее время желает жить и не хочет ли где-либо пристроиться к просфирническому месту³⁰.

В ответ на предписание благочинный сообщил, что не может выяснить у Марии Рапацкой, желает ли она занять где-либо место просфирни, поскольку она выехала на постоянное жительство в местечко Жировичи Слонимского уезда³¹.

Меж тем Мария Антоновна с детьми продолжала получать разнообразную помощь. Самой существенной оказалось назначенное Святейшим Синодом ежегодное пособие в 200 рублей³².

²⁹ ЛГИА. – Ф. 605. Оп. 4. Д. 116. Л. 5–6.

³⁰ Там же. Л. 8–9.

³¹ Там же. Л. 10.

³² Российский государственный исторический архив. – Ф. 796. Оп. 145 (1864 г.). Д. 1926.

В 1864 году Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев выделил вдове из состоявших в его распоряжении сумм 200 рублей единовременного пособия³³.

Дочь ее Людмила была помещена по просьбе матери в Петербургское Александровское училище на казенное содержание³⁴. Это было женское учебное заведение, куда принимались дочери, приобретших дворянство службой штаб и обер-офицеров военного и гражданского ведомства, а также дочерей священников. В то время училище уже имело вполне оформленную профессионально-педагогическую ориентацию. А преподавали в нем такие известные педагоги, как К. Д. Ушинский, В. И. Лядов, Н. В. Белоконов, В. И. Водовозов и др.

Спустя некоторое время Мария Рапацкая переехала из Жировичей в город Кобрин. При ней оставалась младшая дочь Надежда. Сыновья Александр, Владимир и Виктор учились на казенный счет в Виленском духовном училище³⁵.

В феврале 1868 года вдова подала на имя Литовского митрополита Иосифа прошение с просьбой предоставить ей просфирническое место при виленском Соборном доме, который в это время перестраивался. Мотивировала она просьбу тем, что, несмотря на ежегодное пособие в 200 рублей, она терпит издержки на троих сыновей, учащихся в Вильно, в связи с их приездами к ней на праздники и каникулы. «Если я буду иметь счастья в получении просимого места, – писала Рапацкая, – то оно много облегчит меня в настоящем стеснительном положении и для этих сирот я буду иметь более возможности удовлетворить их материнским попечением и при них только найду утешение и душевное спокойствие».

Однако поскольку при возобновляемом в Вильно Пречистенском соборе по штату не полагалось просфирнического

³³ ЛГИА. – Ф. 605. Оп. 4. Д. 116. Л. 13 об.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 10 об.

места, то ее просьбу епархиальное начальство оставило без последствий, о чем и уведомило просительницу.

В том же году Мария Рапацкая обращалась с прошением на Высочайшее имя об оказании ей денежного пособия. К прошению она прилагала свидетельство кобринского военного начальника о том, что хотя она получает ежегодное пособие в 200 рублей, но по многочисленности семейства и существующей дороговизны действительно нуждается в единовременном пособии. Статс-секретарь у принятия прошений на Высочайшее имя подаваемых, переслал прошение Рапацкой в Святейший Синод, который учтя всю предыдущую разнобразную помощь, оказанную ее семейству, не удовлетворил прошение³⁶.

Летом 1869 года Мария Рапацкая обратилась к Виленскому генерал-губернатору с просьбой определить ее малолетних сыновей Владимира и Виктора и дочь Надежду в светские учебные заведения на казенное содержание.

Однако генерал-губернатор при всем желании не имел возможности оказать вдове необходимое содействие. Он не мог брать на себя ходатайство о помещении детей Рапацкой в светские учебные заведения, так как в некоторые из них принимались исключительно дети потомственных дворян, в других воспитывались дети определенного круга служащих, в число которых не входили лица духовного ведомства. И хотя в некоторые учебные заведения принимались дети разного звания, выдаваемое им денежное пособие было так незначительно, что на него невозможно было жить без дополнительной поддержки. А что касалось женских учебных заведений, то зачисление в них казеннокоштных воспитанниц уже было невозможно по неимению вакансий. Ввиду этого генерал-губернатор обратился к Литовскому архиепископу Макарию

³⁶ Там же. Л. 13–14.

с просьбой поместить на казенный счет детей Рапацкой в духовные училища, не зная, что сыновья уже воспитывались в Виленском духовном училище³⁷.

Оставалась дочь Надежда, которая и была принята в Виленское училище девиц духовного звания³⁸. А вот сыновей Мария Антоновна перевела из Виленского в Кобринское духовное училище³⁹. Таким образом они стали учиться по месту жительства матери, которая теперь могла сэкономить на дорожных расходах, да и вообще быть рядом с детьми. Однако в 1872 году училище из Кобрина было перенесено в Жировичи и переименовано в Жировичское духовное училище. Именно там и доучивались Виктор и Владимир Рапацкие. Следует сказать, что Виктору учеба давалась лучше, он всегда шел в первом разряде успеваемости⁴⁰.

В 1874 году братья окончили училище⁴¹. Виктор поступил в Волынскую духовную семинарию. Почему туда, сказать трудно. Возможно Рапацкие переехали на Волынь. А вот дальнейшая судьба Владимира неизвестна.

В 1881 году Виктор Рапацкий окончил полный курс семинарии и 21 августа был назначен псаломщиком в село Покалев Овручского уезда Волынской губернии⁴².

³⁷ Там же. Л. 17–18.

³⁸ От правления Виленского училища девиц духовного звания // Литовские епархиальные ведомости. – 1871. – № 14. – С. 603.

³⁹ Список учеников Кобринского духовного училища с выпиской важнейших результатов из заключительного акта за истекший 1870/71 учебный год // Литовские епархиальные ведомости. – 1871. – № 14. – С. 605.

⁴⁰ Акт о результатах испытаний учеников Жировицкого духовного училища за 1873 учебный год, утвержденный Преосвященным Евгением Епископом Брестским от 6 июля 1873 года, за № 611 // Литовские епархиальные ведомости. – 1873. – № 28. – С. 256–257.

⁴¹ Журнал Правления ЖДУ о бывшем в нем годичном экзамене и разрядный список учеников училища за 1873/1874 учебный год. Разрядный список // Литовские епархиальные ведомости. – 1874. – № 30. – С. 237–238.

⁴² Назначение на псаломщические места // Волынские епархиальные ведомости. – 1881. – № 27. – С. 666.

Это все, что удалось узнать о судьбах Марии Рапацкой и ее детей.

Мученическая кончина священника Романа обратила внимание властей на Чернолозский приход. Было решено построить там на государственные счет новую церковь. В 1872 году в Котре воздвигли каменный храм с колокольней, а в 1873-м освятили.

В начале 1880-х годов местный землевладелец, член Котранского церковно-приходского попечительства Иван Васильевич Меркушев инициировал строительство на приходском кладбище над могилой священника Романа Рапацкого часовни. Закладка ее, сооружение и освящение состоялась в 1883–1884 годах.

Первыми жертвователями на устройство этой часовни стали император Александр III, приславший от себя лично 300 рублей, и Литовский архиепископ Александр (Добрынин), не только благословивший это дело, но и поддержавший материально.

Постройку производил крестьянин деревни Жадзены Давид Иванович Кот по плану и чертежу Меркушева. Материалы на стены – старинные и прочные сосновое бревно из Беловежской пуши, выбраны были при разборке старой приходской церкви в Котре. Для часовни по просьбе Меркушева была заказана икона святых мучеников Иоакимфа и Романа (память 3 июля и 18 ноября), писанная по благословию игуменьи Евстолии в иконописной мастерской Воскресенского женского монастыря в Петербурге.

Спустя несколько лет возникла идея приспособить кладбищенскую часовню под церковь, что свободно позволяли ее довольно большие размеры. Тогда Меркушев позаботился о получении разрешения на сооружение иконостаса и об изыскании на его устройство средств. Для этого он обратился к своим знакомым, а также лицам известным ему отзывчивостью на всякое доброе дело. Он написал действительному тайному советнику Ивану Петровичу Корнилову, занимавшему

в прошлом должность попечителя Виленского учебного округа, а теперь состоявшему членом Совета министра народного просвещения. Корнилов с искренним сочувствием отнесся к просьбе Меркушева и через посредство управляющего канцелярией Святейшего Синода камергера Владимира Карловича Саблера были заказаны в Петербурге шесть икон в иконостас, одна к жертвеннику и одна за престол.

Деньги на оплату заказа пожертвовали Синод, московский коммерсант А. Н. Ленивов и другие лица. Все иконы превосходной живописи были писаны на холсте. Особенно примечательной была запрестольная икона Воскресения Христова. Сам иконостас, его столярная часть, был изготовлен по чертежу Меркушева все тем же крестьянином Давидом Котом. Кроме того, он же совместно с крестьянином Иваном Карнейчиком изготовил престол, жертвенник, три аналоя, панихидный и молебный столики, табуреты и скамьи для установки гробов.

200 рублей «на окончательное устройство храма-памятника» прислал Кронштадтский протоиерей Иоанн Ильич Сергиев. На эти деньги была починена и обновлена вся церковная утварь из разобранный приходской церкви. Два аналойных подсвечника пожертвовал местный псаломщик Владимир Черняковский. Посильные приношения на церковь сделали и крестьяне Котранской волости.

Внешне храм выглядел так: зданием деревянный; крыша гонтовая, окрашенная в красный цвет; купол из оцинкованного железа покрашен в голубой цвет; крест восьмиконечный железный окрашен в золотисто-желтый цвет; четыре окна с железными крашенными решетками и наличниками снаружи «в русском вкусе»; все карнизы, наличники и двери окрашены в желтый цвет, стены – в белый⁴³.

⁴³ Торжество освящение храма-памятника на могиле священника Романа Рапацкого 3 июля 1889 г. // Литовские епархиальные ведомости. – 1889. – № 41. – С. 351–352.

Освятить кладбищенскую церковь планировали 18 ноября 1888 года в день ангела почившего отца Романа, со времени кончины которого исполнилось тогда 25 лет. Но торжество не состоялось в предполагаемый день по причине наступивших морозов, которые помешали завершить кое-какие покрасочные работы в церкви. Кроме того, часть прихожан, желавших присутствовать на торжестве, была занята проводами своих детей и сродников к несению воинской повинности. Поэтому освящение было отложено⁴⁴.

Состоялась оно 3 июля 1889 года. В тот же день на кладбище был установлен и освящен новый крест на могиле повешенного в 1863 году вместе с отцом Романом Рапацким крестьянина Константина Шведа⁴⁵.

18 ноября того же года впервые был отпразднован храмовый праздник в кладбищенской Свято-Романовской церкви. К этому дню церковь получила новые пожертвования. Из Москвы был прислан 17-пудовый ящик с разного рода церковными вещами, собранными священником Николаем Линеровским, настоятелем Александро-Невской церкви при московском Александровском женском училище. Пожертвования поступили: от протоиерея Павла Казанского, от священника Михаила Диомидова, от Богоявленской церкви в Елохове, от протоиерея Иоанна Преклонского, от священника Сергиевской церкви Петра Соколова, от священника Петро-Павловской церкви в Преображенском Сергея Соколова, от священника церкви Иоанна Воина на Божедомке Семена Сретенского, от благочинного священника Сретенского сорока Константина Богоявленского и от анонимных жертвователей.

⁴⁴ Из с. Котры // Литовские епархиальные ведомости. – 1888. – № 51. – С. 448.

⁴⁵ Торжество освящение храма-памятника на могиле священника Романа Рапацкого 3 июля 1889 г. // Литовские епархиальные ведомости. – 1889. – № 41. – С. 350–352.

Среди присланного были: облачения на престол и жертвенник, покровцы, воздухи, алтарные завесы, запрестольный медный светильник, дьяконский подсвечник, иконы в окладах, хоругви, стеклянные лампы к семисвечнику, большие подсвечники к местным иконам, серебряная часовня на панихидный столик, полные священнические и диаконские облачения, отдельно стихари, фелони, подризники, епитрахили, поручи, орари и пр.⁴⁶

Таким образом, церковь оказалась вполне обеспечена необходимыми вещами.

Вообще любопытно, что с этой небольшой церковкой на сельском кладбище связан целый ряд имен известнейших людей: император Александр III, святой праведный Иоанн Кронштадтский, И. П. Корнилов, В. К. Саблер и др.

В очередной раз священника Романа Рапацкого вспомнили в связи с событиями в церковной и общественной жизни, вызванными указом 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости». Указ этот готовился с целью разрядить напряженность в обществе, вызванную нарастающими революционными настроениями. Помимо преобразований в социальной сфере, необходимы были реформы и в религиозном законодательстве. Так, например, новый закон разрешал переход из одного вероисповедания в другое, позволял преподавание Закона Божьего на национальных языках и пр. Однако сразу после обнародования указа запустились процессы, ставшие неожиданностью для светской и духовной властей. Буквально с первых же дней начался массовый переход из Православия в другие вероисповедания, на западе империи преимущественно в католичество. Отчасти эти переходы были вызваны исключительно добровольным желанием номинальных православных узаконить свой фактический религиозный статус, но нередко

⁴⁶ Село Котра, Пружанского уезда, Гродненской губернии // Литовские епархиальные ведомости. – 1889. – № 49. – С. 431.

переходы являлись следствием развития католической миссии. Такая деятельность латинского духовенства порождала массу неприглядных явлений. И вместо религиозного успокоения указ неожиданно для его авторов спровоцировал межконфессиональную напряженность, доходившую порой до крайних пределов.

Вместе с тем, на западе империи вероисповедный указ стал своеобразным сигналом к действию для сторонников восстания Речи Посполитой. В результате католицизация сопровождалась усвоением неопитами польской идентичности.

Православное же духовенство, наоборот, первое время после выхода указа, и даже годы, оказалось в большой растерянности, не зная, как вести себя в новых реалиях. В силу сложившихся церковно-государственных отношений, духовенство почти не предпринимало никаких самостоятельных шагов в решении своих внутренних проблем, ожидая их разрешения со стороны опекуна – государственного аппарата. Однако государственная власть в условиях изменившейся политики предпочитала устраняться от авторитарных методов защиты православного населения. И в этих условиях православные вынуждены были учиться самостоятельно формулировать свои запросы и реализовывать их, выбирая наиболее эффективные средства: создание союзов и братств, учреждение печатных органов, выдвижение депутатов в Государственную думу и пр. Вместе с тем, православное духовенство и паства начинали по-новому смотреть на религиозные символы и святыни: усиливалось их почитание, воскрешалась церковно-историческая память⁴⁷.

Вот именно по такому поводу 4 июня 1908 года состоялся съезд духовенства Шерешевского благочиния Пружанско-

⁴⁷ Подробно см.: Миронов Андрей, священник. Противостояние: Минская епархия после выхода указа 17 апреля 1905 года «Об укреплении на-

го уезда⁴⁸. Обсуждался вопрос развития религиозного и русско-народного самосознания православной паствы, заметно подавленного событиями последних лет. Все понимали, что нужны какие-то религиозно-патриотические символы. Тогда-то и вспомнили убиенного священника Котранской церкви Романа Рапацкого, решив нарочито торжественно почтить память «славного борца за православную веру и русскую народность». Теперь в глазах местного духовенства он вырастал в символическую фигуру. К тому же в этот год исполнялось 45 лет со дня кончины иерея-мученика.

Традиционно молитвенная память о священнике Романе совершалась 3 июля. Но поскольку теперь задумали отметить этот день особым образом, решили перенести мероприятие с буднего дня, на который приходилось 3 число, на первый после него воскресный день. В результате съезд постановил:

1. Испросив благословение Гродненского и Брестского епископа Михаила на совместное чествование духовенством и православной паствой церковью Шерешевского и Пружанского благочиний памяти пастыря-страдальца Романа Рапацкого и назначить для этого торжества 6 июля 1908 года.

2. Священников, ближайших к селу Котре церковей: Муравской, Сухопольской, двух Шерешевских, Мокренской просить прийти с торжественными крестными ходами 6 июля в Котру к началу Божественной литургии, избирая при этом шествии наиболее населенные деревни, где в середине села делать

чал веротерпимости» / священник Андрей Миронов. – Минск : Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2015. – 332 с.

⁴⁸ Шерешевское благочиние в 1908 г.: 1) Шерешевская Рождество-Богородичная церковь; 2) Шерешевская Свято-Николаевская церковь; 3) Сухопольская церковь; 4) Речицкая церковь; 5) Котранская церковь; 6) Вежнянская церковь; 7) Муравская церковь; 8) Беловежская церковь; 8) Тиховольская церковь; 9) Наревковская церковь; 10) Суховольская церковь.

остановку и пояснять народу значение и цель данного крестного хода.

3. Поручить священнику Котранской церкви Антонию Пилинкевичу вместе с другими соседними священниками и с разрешения епархиального начальства напечатать на средства Котранской церкви 1000 экземпляров брошюры «Краткое описание жизни и деятельности и печальной кончины Чернолозской (Котранской) церкви, Пружанского уезда, Шерешевского благочиния отца Романа Рапацкого» для бесплатной раздачи народу 6 июля, пользуясь для этой цели архивом Котранской церкви и сведениями лиц хорошо знавших и помнящих пастыря-страдальца.

4. Священников и настоятелей Шерешевского и Пружанского благочиния не могущих по какой-либо причине посетить торжество, предложить их прихожанам прийти в Котру, помолиться на могиле страдальца-священноиерея Романа об его упокоении в Царстве Света.

Протокол этот был представлен архиерею, который наложил следующую резолюцию: «От всей души молитвенно призываю благословение Божие на доброе намерение духовенства Шерешевского благочиния»⁴⁹.

Котранский священник Антоний Пилинкевич выполнил поручение съезда и составил небольшое жизнеописание Романа Рапацкого. Впрочем, новых сведений об иерее-мученике в нем появилось совсем немного. «Описание жизни и деятельности», хотя бы краткое, не получилось, поскольку приходской архив не располагал соответствующими документами. Основные сведения, по сути, были заимствованы из известных публикаций в «Литовских епархиальных ведомостях» и дополнены рассуждениями на злободневную тему церков-

⁴⁹ Протокол съезда духовенства Шерешевского благочиния от 4 июня сего года // Гродненские епархиальные ведомости. – 1908. – № 24/25. – С. 189–191.

но-общественных отношений. Из нового, опубликованного отцом Антонием, была информация со слов старожилов о том, что священник Роман и повешенный вместе с ним крестьянин Константин Швед вроде как бы действительно были причастны к попытке передачи военным информации о местонахождении повстанческого отряда. Мы уже этот вопрос разбирали выше.

Сообщал отец Антоний и о некоторых личных качествах священника Романа. «С какою любовью, с каким восторгом рассказывают о пастыре-мученике те, которые лично знали и помнят его, – писал он. – По их словам, батюшка о. Роман очень любил простой народ и всегда учил, и наставлял своих прихожан на все хорошее, в особенности он часто напоминал, как крестьяне должны любить своего Батюшку-Царя и молиться за него за то, что он освободил крестьян от панской неволи... Каждый, кто обращался к покойному батюшке за советом и помощью уходил домой с просветленным челом, так как находил в лице о. Романа своего родного отца»⁵⁰.

Публикация Пилинкевича в сравнении с предложенным изначально витиеватым названием была озаглавлена гораздо скромнее – «Памяти священника Романа Рапацкого». Напечатана она была в «Гродненских епархиальных ведомостях» и, кажется, отдельной брошюрой.

Религиозно-патриотический пафос, который придал фигуре отца Романа Антоний Пилинкевич, видимо, послужил поводом для включения Рапацкого в «Патриотическую хрестоматию», составленную преподавателем духовно-учебных заведений Михаилом Антоновичем Чепиком. Автор безусловно знал и о других священниках, убитых во время восстания 1863 года, но выделил именно отца Романа⁵¹. Описание его

⁵⁰ Пилинкевич, священник. Памяти священника Романа Рапацкого. С. 202.

⁵¹ Чепик, М. А. Патриотическая хрестоматия. Ч. 1. Истинное православно-христианское учение о патриотизме или о любви к отечеству и примеры

мученической кончины он заимствовал из статьи в «Прибавлениях к Церковным Ведомостям» за 1909 год⁵², заимствованное в свою очередь из публикации священника Антония Пилинкевича.

Последующие несколько десятилетий упоминаний об иерее-мученике Ромane мы не находим. Колоссальные политические и социально-общественные потрясения и перемены, катализатором которых стала Первая мировая война и затем революция, выдвигали на первый план совершенно иные реалии и приоритеты.

Кладбищенская церковь во имя святого Романа простояла до Великой Отечественной войны. Во время немецкой оккупации кто-то донес немцам, что по ночам там прячутся партизаны. В результате церковь была сожжена.

Казалось, единственный видимый знак, посвященный священнику Роману Рапацкому, утрачен навсегда. Но нет...

В 2013 году благочестивые прихожане Спасо-Преображенской церкви города Пружаны установили пятиметровую памятную стелу «на месте, где когда-то стояла Свято-Романовская церковь». Этот памятный знак установлен на кладбище в деревне Пески, где, как полагают устроители, и находилось приходское кладбище Котранского прихода. Возможно.

На стеле имеется табличка: «Сей памятник установлен на месте Свято-Романовской церкви, построенной над местом упокоения священника Романа Рапацкого, убиенного мятежниками восстания в 1863 году. Церковь уничтожена фашистскими оккупантами во время Великой Отечественной войны в 1942 году.

патриотизма в разные времена / сост. бывш. преподаватель Торопецкого, а ныне Веневского духовного училища Михаил Чепик. – Сергиев Посад : Тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1913. – VIII, 302 с.

⁵² А. Л. Пастыри-мученики / А. Л. // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1909. – № 16. – С. 697–701.

Памятник построен с благословения Преосвященнейшего Иоанна, Епископа Брестского и Кобринского, силами прихожан Спасо-Преображенской церкви г. Пружаны в 2013 году».

Отрадно!

Пусть и настоящее издание станет литературным памятником страдальцу иерею Роману.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Акт о результатах испытаний учеников Жировицкого духовного училища за 1873 учебный год, утвержденный Преосвященным Евгением Епископом Брестским от 6 июля 1873 года, за № 611 // Литовские епархиальные ведомости. – 1873. – № 28. – С. 256–257.

2. А. Л. Пастыри-мученики / А. Л. // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1909. – № 16. – С. 697–701.

3. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2 : Переписка о военных действиях с 10-го января 1863 года по 7-е января 1864 года. – Вильна : Губернская тип., 1915. – [2], LXII, 466 с.: ил.

4. Воспоминания сельского священника о последнем польском мятеже // Виленский сборник. – Вильна, 1869. – Т. 1. – С. 64–87.

5. Журнал Правления ЖДУ о бывшем в нем годичном экзамене и разрядный список учеников училища за 1873/1874 учебный год. Разрядный список // Литовские епархиальные ведомости. – 1874. – № 30. – С. 237–238.

6. Записки Иосифа, митрополита литовского, изданные Академией наук по завещанию автора. – Санкт-Петербург : Тип. Акад. наук, 1883. – Т. 1. – VIII, 745 с., 1 л. фронт. (портр.), 1 л. ил.

7. Записки Иосифа, митрополита литовского, изданные Академией наук по завещанию автора. – Санкт-Петербург : Тип. Акад. наук, 1883. – Т. 2. – [4], 786 с., 1 л. фронт. (портр.), 1 л. факс.

8. Извеков Николай, священник. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко) митрополит Литовский и Виленский / священник Николай Извеков. – Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1889. – 236 с.

9. Из с. Котры // Литовские епархиальные ведомости. – 1888. – № 51. – С. 448.

10. Киприанович, Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского, и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. : с 3-мя портр. высокопреосвящен. Иосифа. 2-е изд., испр. и доп. / Г. Я. Киприанович. – Вильна : Тип. И. Блюмовича, 1897. – XXIV, 614 с., 1 л. фронт. (портр.), 2 л. портр.

11. Литовский государственный исторический архив. – Ф. 605. Оп. 4. Д. 116. Об умерщвлении польскими мятежниками священника Чернолозской церкви Романа Рапацкого.

12. Миронов Андрей, священник. Противостояние: Минская епархия после выхода указа 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости» / священник Андрей Миронов. – Минск : Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2015. – 332 с.

13. Мученическая кончина иерея Романа Рапацкого // Странник. – 1863. – Т. III (июль), Отд. IV. – С. 35–40.

14. Назначение на псалощицкие места // Волынские епархиальные ведомости. – 1881. – № 27. – С. 666.

15. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. – О доставлении сведений о лицах, убитых и замученными мятежниками по Пружанскому уезду.

16. От правления Виленского училища девиц духовного звания // Литовские епархиальные ведомости. – 1871. – № 14. – С. 603.

17. Пашкевич Игнатий, священник. Мои семинарские воспоминания / священник Игнатий Пашкевич // Гродненские епархиальные ведомости. – 1909. – № 34. – С. 361–372.

18. Пилинкевич, священник. Памяти священника Романа Рапацкого / священник Пилинкевич // Гродненские епархиальные ведомости. – 1908. – № 26. – С. 200–205.

19. Протокол съезда духовенства Шерешевского благочиния от 4 июня сего года // Гродненские епархиальные ведомости. – 1908. – № 24/25. – С. 189–191.

20. Пузанов, В. В. История 5-го Донского казачьего войскового атамана Власова полка. 1812–1912 / сост. сотник В. В. Пузанов, чл.-сотр. Рус. воен.-ист. о-ва. – Саратов: типо-лит. П. С. Феокритова, 1913. – [2], 668, IV с., 10 л. портр., карт. : ил.

21. Российский государственный исторический архив. – Ф. 796. Оп. 145 (1864 г.). Д. 1926. Об увеличении пенсии вдовы Марии Рапацкой.

22. Село Котра, Пружанского уезда, Гродненской губернии // Литовские епархиальные ведомости. – 1889. – № 49. – С. 431.

23. Смирнов, А. Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии / А. Ф. Смирнов. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 392 с.

24. Список с предложения в Литовскую консисторию, от 24 января 1855 года за № 216, об отрешении от места священника Мытской церкви Рапацкого, подстригшего себе бороду / Записки Иосифа, митрополита литовского, изданные Академией наук по завещанию автора. Т. 2. – Санкт-Петербург : Тип. Акад. наук, 1883. – С. 616.

25. Список учеников Кобринского духовного училища с выпиской важнейших результатов из заключительного акта за истекший 1870/71 учебный год // Литовские епархиальные ведомости. – 1871. – № 14. – С. 605.

26. Страдания православного духовенства от польских мятежников // Литовские епархиальные ведомости. – 1863. – № 13. – С. 457–463; № 14. – С. 512–520.

27. Страдальцы и мученики за веру православную и народность русскую в Западной Руси, в частности в Гродненской губернии // Гродненские епархиальные ведомости. – 1909. – № 27. – С. 271–292.

28. Торжество освящение храма-памятника на могиле священника Романа Рапацкого 3 июля 1889 г. // Литовские епархиальные ведомости. – 1889. – № 41. – С. 350–352.

29. Три мученические кончины // Вестник Западной России. – 1863. – Т. 4. – С. 177–181.

30. Чепик, М. А. Патриотическая хрестоматия. Ч. 1. Истинное православно-христианское учение о патриотизме или о любви к отечеству и примеры патриотизма в разные времена / сост. бывш. преподаватель Торопецкого, а ныне Веневского духовного училища Михаил Чепик. – Сергиев Посад : Тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1913. – VIII, 302 с.

31. Щеглов Гордей, священник. Год 1863. Забытые страницы. Изд. 3-е, испр. и доп. / священник Гордей Щеглов. – Минск : ВРАТА, 2013. – 128 с. : ил.

32. Щеглов Гордей, священник. Отнятый крест / священник Гордей Щеглов. – Минск : Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2013. – 40 с. : ил.

Научное издание

Щеглов Гордей Эдуардович, иерей

**СВЯЩЕННИК РОМАН РАПАЦКИЙ:
ЖЕРТВА ВОССТАНИЯ 1863 ГОДА**

Корректор *С. П. Данилова*
Компьютерная верстка *О. Н. Андреева*

Подписано в печать 25.09.2023.
Формат 60х84^{1/16}. Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 2,15. Уч. изд. л. 1,37. Тираж 99 экз. Заказ

РО «Минская духовная семинария Белорусской Православной Церкви».
Свидетельство о ГРИИРПИ № 1/437 от 03.10.2014.
Ул. Соборная, 55, 231822, аг. Жировичи, Слонимский р-н, Гродненская обл.
Тел./ факс: Тел.: +375 (1562) 5-12-23, 5-12-36
E-mail: info@minds.by

Отпечатано с готового оригинал-макета в